

НЕАПОЛЬ ИЛИ ПАЛАКИЙ?

Достоверность свидетельства Страбона (VII, IV, 7) о существовании в Крыму трех скифских крепостей, носивших названия Палакий (Παλάκιον), Хаб (Χάβον) и Неаполь (Νεάπολις), в настоящее время засвидетельствована эпиграфическими источниками, хотя названные в них топонимы и имеют несколько отличное написание. Уже в знаменитом херсонесском декрете в честь Диофанта, найденном почти сто лет назад (IOSPE, I², 352), дважды упоминаются расположенные «в середине Скифии» крепости Хабеи (Χαβαῖοι) и Неаполь (Νεά πόλις), а в исследованной недавно Э. И. Соломоник херсонесской эпитафии назван Палакий (Παλακικόν)¹. Поскольку, согласно данным источников, названные населенные пункты явились местом действия важных событий эпохи скифо-херсонесских войн конца II в. до н. э., они уже на протяжении многих лет привлекают внимание исследователей, но далеко не все вопросы, возникающие в этой связи, могут считаться решенными. Так, до настоящего времени не локализованы Палакий и Хаб — Хабеи. Что же касается Неаполя, то его местоположение считается в советской скифологической литературе установленным. Его локализуют

¹ Э. И. Соломоник, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, стр. 92—97, № 44.

на позднескифском городище Керменчик, расположенном на юго-восточной окраине современного Симферополя. Предложенная почти 150 лет назад И. П. Бларамбергом ², эта локализация вызвала возражения ряда исследователей ³, но в дальнейшем получила широкое распространение, а в послевоенные годы приобрела в советской археологической литературе статус установленного факта ⁴. При этом обычно упускается из виду то обстоятельство, что И. П. Бларамберг, отождествляя Керменчик с Неаполем, в своей аргументации шел, так сказать, от противного: поскольку из трех упомянутых Страбоном крепостей две — Палакий и Хаб — уже были им локализованы соответственно в окрестностях Балаклавы и Феодосии, а предположение, что город, располагавшийся на городище Керменчик, — крупнейший из позднескифских памятников Крыма, — не упомянут Страбоном вовсе, справедливо представлялось ему невероятным, он счел его Неаполем. Слабость такой аргументации очевидна. В последующее время она не была подкреплена сколько-нибудь вескими доводами, что хорошо показано О. Д. Дашевской в статье, посвященной специально этому вопросу ⁵. Что касается предложенной И. П. Бларамбергом локализации Палакия и Хабей, то она давно отвергнута ⁶. Таким образом, отождествление Керменчика с Неаполем базируется исключительно на традиции. Не случайно авторы, ссылающиеся в этом вопросе на И. П. Бларамберга, не приводят его доводов в защиту локализации Неаполя: таких практических никогда не существовало.

Вместе с тем не вызывает ни малейшего сомнения, что на городище Керменчик располагалась в древности позднескифская столица. Это доказывается как размерами этого города (он минимум в пять раз больше любого из остальных позднескифских городищ Крыма), так и характером его памятников, среди которых особое значение имеют царская усыпальница-мавзолей ⁷, эпиграфические находки, в том числе надписи, содержащие имена скифских царей ⁸, богатый декор общественных зданий ⁹ и т. д. Таким образом, выяснение древнего названия этого города зависит от решения вопроса, какая из трех названных Страбоном крепостей являлась столицей позднескифского царства ¹⁰.

В свое время О. Д. Дашевская, убедительно продемонстрировав слабую аргументированность общепринятой версии, высказала предположение, что столицей поздних скифов был Палакий. Основанием для этой гипотезы послужило упоминание Страбоном именно Палакия первым по порядку среди скифских крепостей и то, что, по данным А. Н. Карасева, на городище Керменчик не обнаружено следов разрушения оборонительных

² J. de Blaramberg, De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon, Odessa, 1831. Русский перевод этой работы, осуществленный А. Л. Бертье-Делагардом, см. ИТУАР, вып. 7, Симферополь, 1889.

³ Подробный анализ литературы вопроса о локализации названных Страбоном скифских крепостей, в том числе Неаполя, см. в статье: О. Д. Дашевская, К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном. ВДИ, 1958, № 2.

⁴ Локализация Неаполя на городище Керменчик принята в целом ряде работ Н. Н. Шульца, Н. Н. Погребовой, И. В. Яценко, Э. А. Сымоновича и других авторов.

⁵ Дашевская, ук. соч., стр. 146 сл.

⁶ Там же, стр. 144—146.

⁷ П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953; Н. Н. Погребова, Погребения в мавзолее Неаполя скифского. МИА, № 96, 1962, стр. 103 сл.

⁸ Э. И. Соломоник, Эпиграфические памятники Неаполя скифского, НЭ, III, 1962, стр. 33—34; Д. С. Раевский, К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. — II в. н. э.), ВДИ, 1973, № 2, стр. 117 сл.

⁹ И. В. Яценко, Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском, СА, 1960, № 4.

¹⁰ Предположение, что скифская столица вовсе не упомянута Страбоном, представляется невероятным и не заслуживает анализа.

стен, что в совокупности с отсутствием в декрете в честь Диофанта упоминания Палакия наводит на мысль, что именно этот город помещался на так и не взятом греками городище Керменчик¹¹.

Признавая важность отмеченных О. Д. Дашевской обстоятельств¹², следует сказать, что они все же не кажутся достаточным основанием для окончательного решения вопроса о древнем названии позднескифской столицы и нуждаются в дополнительном подкреплении. Попробуем подойти к решению того же вопроса с совершенно иной стороны — проанализируем перечисленные Страбона топонимы, прежде всего название Палакий. Этот топоним обычно считают производным от имени скифского царя Палака, сына Скилура¹³. В то же время Э. И. Соломоник отметила возможную связь и личного имени царя, и названия города «с этником *Παλο* у Диодора»¹⁴. Этот «этникон» упомянут Диодором в ходе изложения одного из вариантов скифской генеалогической легенды. Согласно этому варианту, среди мифических скифских царей, потомков Зевса и змееной дочери Земли, «были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой — Нап... По имени каждого из них назвались народы, один — палами, а другой — напами» (Diod., II, 43, 3—4). Предположение о том, что именно к этому этникусу следует возводить название Палакий, как будто подтверждается эпиграфическим документом, в котором, согласно чтению Э. И. Соломоник, упомянута «крепость Напит» или «крепость напитков» (*Ναπίτα φρούριον*)¹⁵, название которой со всей очевидностью возводится к парному палам термину, фигурирующему в том же варианте легенды — *Νάπαι*¹⁶. Если трактовать топоним Палакий как связанный по смыслу с этой легендой, то оказывается, что он предстает в неожиданным и весьма показательным освещении.

Исследования последних лет показали, что отраженное в сохранных античных источниках скифских легендах деление скифов на различные «роды» или «народы» не всегда имеет этническую природу, даже если оно воспринималось как таковое древними авторами. В нем может найти отражение социальное членение общества, его сословно-кастовая структура. Именно такой характер, как показал ряд исследований, имеет деление скифов на паралатов, авхатов, катгаров и траспиев, о котором повествуется в первом из изложенных Геродотом вариантов скифской генеалогической легенды (IV, 5—7). Оно отражает деление скифского общества на военную аристократию, жречество и свободных земледельцев и скотоводов¹⁷. Та версия скифской легенды, которая содержится у Диодора,

¹¹ Д а ш е в с к а я, ук. соч., стр. 149—150.

¹² В этой связи привлекает внимание и одна деталь текста декрета в честь Диофанта. Документ этот повествует, что после взятия греками крепостей Хабеи и Неаполь Митридату оказались подвластны почти все скифы. Не указывает ли эта оговорка, включенная в документ откровенно панегирического характера, что не взятым Диофантом остался какой-то важный (скорее всего в политическом отношении) пункт Скифии, например ее столица?

¹³ С о л о м о н и к, Новые эпиграфические памятники..., стр. 94; Д а ш е в с к а я, ук. соч., стр. 149.

¹⁴ С о л о м о н и к, Новые эпиграфические памятники..., стр. 94.

¹⁵ Там же, стр. 7—15, № 1.

¹⁶ Там же, стр. 12. Если допустить такое происхождение этого топонима, то становится понятным, почему Стефан Византийский приводит две параллельные его формы: *Νάπις* и *Ναπίτης* (St e p h. B u z., s. v. *Ναπις*). Учитывая, что суффикс-t-(ta-) в скифском языке являлся показателем множественности, одна форма топонима должна возводиться к форме единственного числа, а другая — к форме множественного числа того же термина.

¹⁷ G. D u m é z i l, La préhistoire indo-iranienne des castes, JA, 1930, vol. 216; Э. А. Г р а н т о в с к и й, Индо-иранские касты у скифов, «XXV Международный конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР», М., 1960; G. D u m é z i l, La société scythique avait-elle des classes fonctionnelles? IJ, vol. 5, 1962, № 3,

в этом аспекте не анализировалась. Между тем, В. И. Абаевым уже давно было предложено толкование термина «палы» как передающего скифское *bala* — «военная сила, дружина»¹⁸. Такое толкование, трактующее этот термин как имеющий социальный смысл, позволяет предположить, что отраженное в Диодоровой версии скифской легенды деление общества на палов и напов имеет такую же социальную природу, как и то, которое зафиксировано Геродотом. Палы одной версии соответствуют паралатам другой — это два термина для обозначения одного социального слоя — воинов, военной аристократии. Что касается названия «напы», оно, как представляется, может быть возведено к тому же корню, что и ав. *nāfa*, ср.-перс. *naβ* — «гуповина», а также «сородичи, община». Таким образом, деление скифов на палов и напов представляет типологически точную аналогию членению древнеиндийского общества на кшатриев и вайшьев, т. е. воинов и общинников. При этом следует отметить, что в древней Индии при преобладании представления о трехварновой структуре общества некоторые источники повествуют лишь об этих двух социальных категориях, не упоминая брахманов¹⁹. Аналогичная картина наблюдается в древнем Иране, где наряду с представлением о трех социальных категориях бытовала традиция о происхождении сословий воинов и земледельцев от двух братьев — Хушенга и Вегерда²⁰. Эти аналогии подтверждают правомочность социального толкования того членения скифского общества, о котором повествует вариант легенды, рассказанный Диодором.

Предложенное толкование позволяет полагать, что название социальной категории или сословно-кастовой группы «палы» является исходным как для собственного имени Палак — «воин», так и для топонима Палакий — «крепость воинов». Учитывая, что военная аристократия была в Скифии, как явствует из первого Геродотова варианта легенды, господствующим социальным слоем²¹, антропоним, возводимый к термину, обозначающему этот слой, вполне подходит царю. Топоним же, имеющий то же происхождение, вполне логично считать подходящим именно скифской столице, как средоточию военной аристократии и резиденции происходящего из ее среды царского рода.

Изложенные соображения в совокупности с данными, собранными и проанализированными О. Д. Дашевской, заставляют полагать, что из трех названных Страбоню скифских крепостей столицей скифов был Палакий и именно он должен быть локализован на городище Керменчик. Что касается Неаполя²² и Хабеев, то их следует в таком случае искать на других крупных скифских городищах Крыма. Судя по тексту декрета в честь Диофанта, оба похода этого полководца против скифских крепостей на-

стр. 187 сл. Не касаясь здесь сущности расхождений между Ж. Дюмезилем и Э. А. Грантовским в деталях социальной интерпретации скифской легенды, отмечу лишь, что толкование последнего представляется мне более верным.

¹⁸ В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, т. I, М., 1949, стр. 160.

¹⁹ Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, *Древняя Индия*, М., 1969, стр. 167.

²⁰ A. Christensen, *Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des iraniens*, vol. I, Uppsala, 1918, стр. 143—144; Грантовский, *Индо-иранские касты...*, стр. 5.

²¹ Там же, стр. 13—14.

²² Сугубо в качестве гипотезы можно высказать предположение — не является ли дважды упомянутое в источниках греческое название скифской крепости *Νεάπολις* (*S t r a b o*, VII, IV, 7 и *IOSPE*, I², № 352) псевдоэтимологическим осмыслением в среде причерноморских эллинов чуждого для них топонима *Νάπις*. Подобные «народные этимологии» иноязычных топонимов — явление весьма распространенное, примеры чему можно найти и в современном Крыму, где река Карасу превратилась в Карасевку, а поселок Сюрень в Сирень.

чинались в Северо-Западном Крыму²³. В таком случае подступы к скифской столице, которая, очевидно, была его конечной целью, закрывало городище Кермен-Кыр, второе по величине после Керменчика скифское городище Крыма, расположенное на северо-западной окраине современного Симферополя²⁴. В свою очередь осада и штурм этого городища были небезопасны, пока в близком тылу у греков оставалось непокоренным другое крупное городище — Булганакское²⁵. Оно лежит несколько южнее прямого пути от Керкинитиды к Керменчику-Палакию, но небольшое отклонение для его взятия представляется стратегически необходимым. Поэтому путь походов Диофанта из Северо-Западного Крыма к стенам городища Керменчик должен был пролегать мимо Булганакского и Кермен-Кырского городищ. Исходя же из порядка перечисления взятых городов в декрете, наиболее вероятным следует считать отождествление Булганака с Хабееми и Кермен-Кыра с Неаполем²⁶.

Захват этих двух городов открывал Диофанту путь к Керменчику-Палакию. Если исходить из предложенного Э. И. Соломоник чтения одной херсонесской эпитафии, в нашем распоряжении имеются данные о том, что борьба шла и под стенами этого города²⁷. Однако обстоятельства, проанализированные О. Д. Дашевской и упомянутые выше, заставляют склониться к мысли, что столица скифов так и не была взята греками.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов свидетельствует в пользу того, что столицей позднескифского царства являлся не Неаполь, а Палакий, и что именно он должен быть локализован на городище Керменчик. Можно надеяться, что продолжение археологических исследований этого чрезвычайно интересного памятника доставит нам эпиграфическое подтверждение высказанного предположения. Следует оговориться, что в ряде работ автор, во избежание терминологического разнобоя, сам называл этот памятник Неаполем, подчеркивая, правда, условность такого наименования²⁸. Если изложенные здесь соображения будут приняты читателем, даже такое условное именование следует, на мой взгляд, исключить из научной литературы. Количество

²³ В первый раз Диофант отправляется против скифских крепостей после прибытия из Веспора «в наши места», выражаясь словами декрета, тогда как пятью строками выше говорится о его прибытии «в наш город». Это различие вполне согласуется с предположением, что в первом случае речь идет о входящих в состав Херсонесского государства землях Северо-Западного Крыма. Во второй раз поход на Хабей и Неаполь предпринимается непосредственно после военных действий в районе Керкинитиды и Калос Лимена, что заставляет предполагать тот же маршрут. Да он и безопаснее, чем путь от Херсонеса через вторую гряду Крымских гор, сплошь усеянную скифскими городищами.

²⁴ О. Д. Д а ш е в с к а я, Скифское городище Красное (Кермен-Кыр), КСИИМК, 70, 1957, стр. 108 сл.

²⁵ П. Н. Ш у л ь ц, Скифский город на реке Булганак, «Археологические исследования на Украине», I, Киев, 1967, стр. 114 сл.

²⁶ Булганакское городище — четвертый по величине позднескифский город Крыма. Крупнее его — городище Алма-Томак в устье Альмы. Но, во-первых, оно расположено на побережье, а не «в середине Скифии», а во-вторых, достаточно убедительной представляется гипотеза А. Н. Щеглова о локализации на этом памятнике упомянутой Птолемеем Дандаки (А. Н. Щ е г л о в, Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды, ВДИ, 1965, № 2, стр. 110 сл.). Эти два обстоятельства заставляют отказаться от мысли о тождестве Усть-Альминского городища с Хабееми и помещать этот последний город на Булганак.

²⁷ С о л о м о н и к, Новые эпиграфические памятники..., стр. 92—97. Предположение автора, что борьба за Палакий велась отдельными отрядами херсонеситов, не связанными с Диофантом, представляется недостаточно обоснованным.

²⁸ Д. С. Р а е в с к и й, Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя), «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 143; он же, Этнический и социальный состав населения Неаполя скифского (по материалам некрополя). Автореф. канд. дисс., М., 1971, стр. 4.

работ, посвященных позднескифской столице, с каждым годом увеличивается, и чем позднее будет внесено это уточнение, тем большую путаницу оно вызовет. А внести его, как представляется, рано или поздно заставят эпиграфические находки.

• Д. С. Раевский

NEAPOLIS OR PALACIUM?

D. S. Rayevsky

By a tradition going back to an article published by I. P. Blaremborg in 1831 the capital of the Late Scythian Crimean kingdom at Kermenchik on the southeastern edge of Simferopol has been called Neapolis, a name mentioned by Strabo and in the decree honouring Diophantos. Doubt was cast on the correctness of this by O. D. Dashevskaya, who examined the written and archaeological evidence and expressed her opinion that the ancient city at Kermenchik bore the name Palacium, also attested by Strabo and by an epigraphical document. The author of the present article subscribes to this opinion and adduces further argument in its support. The toponym Palacium derives from the name Palus, borne by one of the personages in Diodoros's version of a Scythian genealogical legend according to which Palus and his brother Napes were the ancestral founders of two branches of the Scythian people. If we follow G. Dumezil and E. A. Grantovsky in treating the Scythian legend as reflecting the formation of the social structure of Scythian society, the «ethnonym» Pals (Πάλος) should be seen as the name of the military aristocracy, the dominant social stratum in Scythia. The etymologically related toponym Palacium then appears as the most appropriate name for the Scythian capital city — the central locale of the military aristocracy and the residence of the royal family which arose from that aristocracy.